

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-208-213  
УДК 821.161.1

## БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ: ПРИЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ АВТОМИФА

© Алексей Снигирев

### THE STRUGATSKY BROTHERS: METHODS OF MODELING AN AUTOMYTH

Alexey Snigirev

The automyth of the writer is genetically related to the genres of biography and autobiography, hagiographic literature, and the genre of “literary monument”. Its important features are the creation of an idealized image of the writer with the aim to influence both the existing reader and potential reader. In this regard, the quintessence of the “myth about the writer” is the paragraph “about the author” on the back cover of the book, which the reader looks at when deciding whether to buy it or not. Now the myth about the writer is an important component of the marketing policy of the author or his literary agent. Based on the analysis of the Strugatsky brothers’ life and work, one can come to the conclusion that the basis of the myth is the triad “biography-creativity-environment”. The myth about the writer is rarely based on reality, it creates the image that is most necessary for a specific goal - to influence the reader. And most importantly, the task of the myth is to increase “the most likely number of readers of the text”.

*Keywords:* the Strugatsky brothers, writer’s automyth, text, biography, science fiction, reader’s reception, Russian literature, memoirs.

Самомиф о писателе генетически связан с жанрами биографии и автобиографии, агиографической литературой, жанром «литературного памятника», и его важными признаками является создание идеализированного образа писателя с целью оказать влияние как на уже существующего читателя, так и на читателя потенциального. В этом плане квинтэссенцией «мифа о писателе» становится абзац «об авторе» на задней обложке книги, на которую смотрит читатель, принимая решение о том, стоит покупать ее или нет. Сейчас миф о писателе – важная составляющая маркетинговой политики автора или его литературного агента. На основе анализа жизни и творчества братьев Стругацких можно прийти к выводу о том, что основой мифа является триада «биография – творчество – окружение». Миф о писателе редко основывается на реальной действительности, он рисует тот образ, который наиболее необходим для конкретной цели – воздействия на читателя. И самое главное – задача мифа в увеличении количества «наивероятнейшего количества читателей текста».

*Ключевые слова:* братья Стругацкие, писательский автомиф, затекст, биография, научная фантастика, читательская рецепция, русская литература, воспоминания.

Еще до 1991 года, до года смерти Аркадия Стругацкого, года выхода первого собрания сочинений братьев Стругацких и года исчезновения с карты мира страны, в которой протекала их творческая история, тексты соавторов стали не просто типографской продукцией. Из области художественной литературы они почти сразу переходили в смежные – идеологию, философию, культуру, политику и мифологию. И уже в 1991 году, когда Борис Стругацкий взял на себя небывалую задачу по редактированию, разъяснению и интерпретации написанных книг, был создан и уточнен один из самых потрясающих мифов современной отечественной литературы – миф о жизни и творчестве братьев Стругацких, кото-

рый по уровню влияния на читательскую рецепцию превышает если не все, то многие аналогичные мифы и в чем-то сопоставим с лавкрафтовским мифом.

Удобство исследователя заключается в том, что этот конкретный миф собран, обработан и обобщен в относительно небольшом наборе текстов – трех официальных биографиях братьев Стругацких (выпущенных за короткий промежуток с 2003 по 2012 гг.), официальном же собрании сочинений (следует отметить, что официальным объявлялись разные собрания сочинений), публикациях Бориса Стругацкого (прежде всего «Комментарий к пройденному» и «Интервью длиною в годы»), изданиях архива писате-

лей, осуществленных Светланой Бондаренко, и межавторских сериях типа «Время учеников».

Миф о писателе генетически связан с жанрами биографии и автобиографии, агиографической литературой, жанром «литературного памятника», и его важным признаком является создание идеализированного образа писателя с целью оказать влияние как на уже существующего читателя, так и на читателя потенциального. В этом плане квинтэссенцией «мифа о писателе» становится абзац «об авторе» на задней обложке книги, на которую смотрит читатель, принимая решение о том, стоит покупать ее или нет. Сейчас миф о писателе – важная составляющая маркетинговой политики автора или его литературного агента, что ясно показывает, например, удачно созданный и великолепно поддерживаемый пелевинский миф.

В общих чертах анализируемый миф о Стругацких звучит как раз как «сведения об авторах» или образцовая статья из Википедии: «Братья Стругацкие – классики русской фантастической литературы, великолепные стилисты, создавшие особое направление в литературе, и на их книгах выросло несколько поколений, они входят десятку лучших фантастов мира».

В мифе о писателе важным является все, но первое, что обычно используется при его создании, – акцент на том или ином факте биографии. Автор детективных романов обычно работал или работает в следственных органах, автор боевиков – бывший солдат (в идеале – солдат-спецназовец или наемник) и так далее. У Стругацких есть то, что выгодно отличает и выделяет их среди других писателей, – это сам факт рождения. Вернее, факт того, что братья Стругацкие – это один автор, но при этом два человека. Эта необычность, эта особенность, лежащая в основе их творчества, создает не только богатую почву для мифотворчества, но и большое поле для научных исследований.

Легенда о совместном творчестве, в свое время с явным наслаждением созданная самими авторами и ими же развенчанная, связана самим процессом соавторской работы. Так, отвечая на приведенную журналистом легенду о творческом процессе соавторов («вы с братом, живущие соответственно в Ленинграде и Москве, встречаетесь в буфете станции Бологое, напиваетесь чаю и садитесь писать» [Стругацкий, 2012, с. 560], Борис Стругацкий проводит свою версию: «Стругацкие съезжаются на подмосковной правительственной даче, накачиваются наркотиками до одури – и за машинку» [Там же]. Но уже потом, создавая отредактированную версию творческого пути братьев Стругацких, Борис Стру-

гацкий выстраивает целую эволюцию механики работы – от параллельного написания – глава Аркадий, следующая глава – Борис, до работы совместной над каждым словом: «Мы перепробовали, я полагаю, все возможные способы работы вдвоем и остановились на самом эффективном. Один сидит за машинкой, другой – рядом. Один предлагает фразу, другой ее обдумывает и вносит изменения. Первый соглашается или не соглашается. Если соглашается, – фраза заносится на бумагу. Если нет – процесс внесения поправок продолжается. И так – фразу за фразой, абзац за абзацем, страница за страницей» [Стругацкий, 2009, с. 321]. При этом отсутствует документальное подтверждение именно такой тщательной работы над текстом, которая уже априорно делала его высокохудожественным (в том числе и в связи с литературой XIX века, литературой редакций и черновиков), так как единственная магнитофонная запись этого процесса, сделанная братьями, была впоследствии уничтожена. Правда, в немногочисленных допущенных до печати воспоминаниях родных и близких авторов так же отсутствуют подтверждения именно такого стиля совместной работы, но, как мы увидим дальше, факты и информация о фактах не обязательно совпадают в писательском мифе.

Сам факт совместной работы выделяет соавторов среди простых авторов и позволяет «вписать» тандем в парадигму уже существующих в отечественной литературе, поставив для читателя в один ряд с Ильфом и Петровым или братьями Вайнерами.

Особый шик мифу о писателе добавляет принадлежность (явная или мифическая) автора к той или иной важной для страны фамилии или вообще фамилия как таковая. Татьяна Толстая так или иначе все равно остается внучкой Алексея Толстого (а для более образованной публики – и Михаила Лозинского), в то время как Борис Чхартишвили вынужден брать псевдоним «Акунин». Очень показательно, что пункт этот – пример нарушения причинно-следственной связи, он наглядно демонстрирует, что миф о писателе построен на иррациональном восприятии действительности. Фамилия писателя не делает его текст объективно лучше, но может повлиять на восприятие читателя, чем и пользуются создатели мифа. Так, биографы братьев Стругацких обязательно подчеркивают, что дочь Аркадия Стругацкого вышла замуж за Егора Гайдара, внука Аркадия Гайдара и Павла Петровича Бажова. Этот факт никоим образом не влияет на качество творчества братьев Стругацких, но является обязательным и важным, так как соотносит твор-

чество соавторов со значимыми именами советской литературы.

Следующим пунктом мифа о настоящем писателе становится категорическое отрицание интертекстуальных связей почти любого порядка, его произведения рассматриваются исключительно как оригинальные. Конечно, если автор начинающий, то можно «вписать» его в школу, направление, привести легенду о том, как какой-либо писатель «сходя во гроб, благословил», но вот по отношению к состоявшемуся автору это непозволительно. И если в начале своей литературной карьеры братья Стругацкие активно пользовались расположением Ивана Ефремова и охотно упоминали / вставляли его имя рядом со своим (в частности, метр написал предисловие к повести «Хищные вещи века», что ускорило ее публикацию), то потом все изменилось, стало позволительно говорить и писать о нем в пренебрежительном тоне, особенно когда их видение советской фантастической литературы стало различаться: «С Ефремовым одно время был близок АН – они часто встречались, как правило, у Ефремова, я тоже у него бывал несколько раз <...> Конечно, писателем он был неважным, да и сам он не претендовал особо на это звание – считал себя в первую очередь философом, мечтал писать трактаты и „Диалоги“ в манере древних» [Там же, с. 56].

Если говорить непосредственно об интертекстуальных связях, то их необходимо было, как уже говорилось, отрицать, и Борис Стругацкий отвечал, например, на указанную одним из читателей возможность заимствований из Станислава Лема: «Сходство между Лемом и АБС замечено специалистами уже очень давно. <...> Прямым влиянием объяснить это невозможно – по-польски мы не читали, а русские переводы Лема приходили к нам через два-три-четыре года после того, как АБС уже написали и опубликовали свое соответствующее „парное“ произведение. Я лично объясняю эту загадку огромным сходством менталитетов» [Там же, с. 406]; и в другом месте – более резко: «самое замечательное, что никакого ВЛИЯНИЯ Лем на нас никогда не оказывал. По-польски мы не читали, а переводы попадали нам в руки только месяцы и годы спустя после того, как „соответствующая“ вещь АБС была уже написана и даже напечатана» [Там же, с. 83]. Но уже доказано, что воспоминания – это всегда «игры с памятью», и заявления Бориса Стругацкого тому яркий пример: опубликованные Светланой Бондаренко материалы, письма, дневники, издательские рецензии и пр., а также сопоставительный анализ текстов дают иную картину.

Так, например, анализ переписки между братьями выявляет, что до момента написания уже упомянутой «Попытки к бегству» (над которой работа начата в марте 1962 года) они были знакомы с романом Лема «Эдем»: «Твой брат, соавтор и покорный слуга уже полгода бьется, пытаясь протолкнуть хоть куда-нибудь гораздо более безобидную вещь – „Эдем“ в переводе (и неплохом) Абызова» [Неизвестные Стругацкие, с. 528]. Там же есть упоминание, что авторы знакомы с другим романом С. Лема «Рукопись, найденная в ванной» [Стругацкий, 2009, с. 158], в то время как авторы только в 1965 году написали повесть «Улитка на склоне». Можно привести и другие примеры, но, кажется, нет необходимости, тем более что в последнее время изучение интертекстуальных связей текстов братьев Стругацких становится все более популярным и количество публикаций растёт.

Немаловажным, но необязательным для создания мифа о писателе является наличие образа врага, а в условиях отечественной действительности – в уточнении его в образе государства. Так же и Стругацкие – они оппозиционны, они полулегальны при советской власти, и вообще, по мнению биографов, чуть ли не определили падение этой власти своими произведениями. В этом плане характерна легенда, призванная подтверждать этот миф: история о том, что в 1970–80-ые годы братьев Стругацких не публиковали из-за их литературной позиции, и для них наступили трудные времена не только потому, что их не публиковали, но и в том числе в финансовом плане, из-за чего Аркадий был вынужден опять пойти на работу, а Борис – продать свою коллекцию марок. Правда, выясняется, что снижение публикационной активности носит, скорее, технический характер (писателей публиковали в периодике, но не печатали в виде отдельных книг), а коллекция марок продана по более прозаической причине – Борис Стругацкий покупал автомобиль: «Радостное событие случается в самом конце года (1976. – А. С.). 23 декабря БН покупает свою первую машину – „запорожец-мыльницу“ <...> Однако цена этого „дешевого“ автомобиля – около 4300 рублей. И деньги удалось наскрести только благодаря проданной коллекции марок, которую он собирал много лет» [Скаландис, с. 429–430].

Миф о писателе не должен содержать никакой отрицательной информации об авторе. Весь негатив отрицается или замалчивается, причем зачастую это делается максимально агрессивно или невежественно. Приведем только один пример. Во время работы со сценарием «Сталкера» у братьев Стругацких сложились очень непростые

отношения с Арсением Тарковским, которые в итоге привели к ссоре между писателями и режиссером. Факт общения и работы с одним из признанных гениев кинематографа важен для мифа о писателе, а вот размолвка с ним и тем более его нелестные замечания о писателе – нет, и Ант Скаландис пишет: «В зарубежных изданиях „Мартиролога“» (дневник Тарковского. – А. С.) есть несколько пассажей о Стругацком, которые нам категорически не хочется здесь цитировать, потому что некоторые из них, противореча известным фактам, заставляют сомневаться в достоверности остальных. А еще, к несчастью, есть основания полагать, что Лариса Павловна Кизилова уничтожила ряд записей, сделанных ее мужем...» [Там же, с. 502]. Биограф не стал делать минимального стилистического или текстологического анализа, который мог бы подвергнуть сомнению принадлежность тех или иных высказываний Тарковскому, он просто вычеркнул их как противоречащих мифу о писателе. Так же поступает и с остальными бросающими тень на светлый образ фактами или слухами.

В продолжение тысячелетней традиции при создании мифа обязательным становится «борьба с фарисеями» – уходящим поколением, в данном случае – советских фантастов, творчество которых оценивается крайне низко (см. предыдущую цитату об И. Ефремове), а деятельность исключительно направлена на конфликт с писателями, о которых создается миф. Прямо или косвенно называются и имена, в том числе Александр Казанцев. Именно с этим именем связываются два сюжета, которые регулярно ретранслировались и самими братьями Стругацкими, и неукоснительно – их биографами. Первый – история о том, как Аркадий Стругацкий пытался редактировать новую книгу А. Казанцева, которая была написана очень плохо, при этом история эта известна исключительно со слов старшего брата (который был, по воспоминаниям современников, мастером застольного рассказа) и носит явно анекдотический характер, второй – так же переданная через посредника история вручения первой в СССР премии за достижения в научной фантастике «Аэлита». Последняя история связана с тем, что премию получили одновременно и А. Казанцев, и братья Стругацкие, а также с банкетом, на котором отмечалось событие. Любопытны акценты, которые расставляют мемуаристы. Обычно отмечается, что Аркадий Стругацкий вел себя великодушно на банкете и хвалил произведения А. Казанцева, которыми зачитывался в детстве, и премия была получена и Стругацкими, и Казанцевым за реальные достижения. Но Ант Скаландис как всегда рисует мир,

в котором есть только один автор, герой его книги: «Допускаю, что какая-нибудь местная или московская писательская сволочь из особо натасканных не позволила дать премию сомнительным АБС за полуантисоветскую повесть „Жук в муравейнике“, не уравновесив эту премию такой же, выданной за вклад правоверному Казанцеву», совершенно забывая или не зная о той популярности, которая действительно была у произведений А. Казанцева в СССР.

Предварительный же анализ конфликта Стругацкие-Казанцев позволяет говорить о том, что он носит скорее не идеологический характер борьбы старого против нового, не конфликт стилистический и художественный между некачественными и качественными текстами, а скорее столкновение взглядов на то, что такое фантастическая литература, на ее функцию. Итогом этой борьбы, в которой обе стороны использовали максимально доступный им набор средств – от банальных доносов до изощренной «литературной мести», когда в произведение вводится крайне негативный герой, имеющий своим прототипом оппонента в споре, стало мнение о том, что фантастика – это серьезная литература, когда обязательно выдвигаются на первый план социальные и философские проблемы. Отечественная фантастика в итоге должна была перестать быть просветительской и научно-популярной литературой, но в конечном счете стала тем, чем вряд ли хотели видеть ее братья Стругацкие – литературой развлекательной. Особенно хотелось бы отметить в этом плане межавторскую серию «S.T.A.L.K.E.R.», генетически восходящую к повести братьев Стругацких «Пикник на обочине»: книги из этой серии в большинстве своем представляют некачественно написанные среднего уровня фантастические боевики.

Особенность мифа о Стругацких в том, что они были объявлены классиками советской фантастической литературы (и очень часто вводимы в десятку лучших фантастов мира), а это подразумевает ничтожность или отсутствие других классиков этого направления, да и сколько-либо значимых авторов вообще, и только появление позже «учеников». Мы уже фиксировали официальную позицию в отношении ведущих фантастов того времени (И. Ефремова и А. Казанцева). Особое место в мифе о братьях Стругацких занимает конфликт с редколлегией издательства «Молодая гвардия» (1970-ые годы), который выгодно позволил вычеркнуть из истории советской фантастики целый ряд значимых имен на основании того, что они печатались в этом прибежище антисемитизма, взяточничества и бездарности, как его любили характеризовать соав-

торы. Отстраненный взгляд на данный конфликт, с учетом допущенных до публикации документов, позволяет предположить, что нежелание издательства публиковать сборник братьев Стругацких «Неназначенные встречи» связан не только с личным негативным отношением к авторам Ю. Медведевым (он начался еще раньше, когда в издательстве работали очень лояльные к соавторам Б. Ключева и С. Жемайтис), а в том числе с нежеланием соавторов внести предлагаемые правки в текст (как за десять лет до этого отвергал А. Казанцев правку Аркадия Стругацкого), который, с точки зрения издательства, чья задача была публиковать книги для юношества, да и с точки зрения существовавшей тогда литературной традиции и цензуры, был написан излишне натуралистично и с немотивированно частым использованием сниженной и бранной лексики.

Кроме того, были вычеркнуты имена тех, с кем происходили конфликты и размолвки (например, О. Ларионовой, которая если и упоминается, то в связи с анекдотической ситуацией распития водки на каком-то собрании писателей), факт существования остальных и вовсе умалчивался или обходился стороной (так, Кир Булычев очень часто упоминается прежде всего как собутыльник Аркадия Стругацкого, а не как писатель-фантаст). Практически все остальные писатели были записаны в ученики, иногда на основании того, что Борис Стругацкий руководил семинаром молодых писателей-фантастов в Ленинграде, а Аркадий пару раз заходил на аналогичный в Москве, и список имен тех, кто принимал участие в данных семинарах, автоматически становился списком учеников.

Особую роль в формировании легенды об особой школе Стругацких в отечественной фантастической литературе сыграли межавторские сборники (например, «Время учеников» или «Важнейшее из искусств»). Их содержание стало опять же списком тех, кто, даже несмотря на разницу в писательском мировоззрении и манере письма, является учеником и последователем, пусть они себя таковыми и не считали, о чем прямо написал С. Лукьяненко в предисловии своего текста: «И всем нам хочется быть не „последователями Стругацких“ или „русскими Гаррисонами и Хайнлайнами“, а самими собой» [Время учеников, с. 76]. Замечание это, впрочем, дорого стоило автору – Борис Стругацкий крайне жестко высказался по поводу его творчества: «Лукьяненко – чрезвычайно талантливый человек. Но, к сожалению, пишет он в три раза быстрее (и в три раза больше), чем следовало бы» [Стругацкий, 2009, с. 403].

Ну и отдельно – о каноне. Наличие мифа о писателе, как, впрочем, о любой выдающейся личности, подразумевает конечный и признанный официальным набор текстов – будь то четыре Евангелия или собрание сочинений. Борис Стругацкий в свое время озвучил цифру, которой поддерживался неукоснительно и в различных выступлениях, например, отвечая на вопрос читателю, у которого никак не сходились цифры: «Кроме того, я включаю в число „повестей“ нашу пьесу и НЕ включаю никакие сценарии. Получается 27 шт.» [Там же, с. 90]. Правда, потом Борис Стругацкий, видимо, неоднократно жалел о своих словах, потому как конечность текстов подразумевает конечность издательского и читательского интереса, и редкие покупатели спрашивают в книжных магазинах свежий бестселлер Гомера. Однако работа Светланы Бондаренко с архивами писателей позволила, как ни странно это звучит, опубликовать новые тексты братьев Стругацких, такие как повесть «Беспокойство» (отвергнутый авторами первоначальный вариант повести «Улитки на склоне»), повесть «Кракен» (незаконченный текст, который АНС пытался написать, несмотря на несогласие соавтора) и т.д.

Не менее интересен вопрос о собрании сочинений. Первое из них вышло в 1991 году и стало результатом совместной работы главного редактора издательства «Текст» Михаила Гуревича прежде всего с Аркадием Стругацким. В мифе о братьях Стругацких это собрание сочинений не учитывается, а если и упоминается, то как результат поспешной и некачественной работы. Следующее собрание сочинений было определено Борисом Стругацким как каноничное, правда, только в 1999 году: «Это (пока) самое полное из всех собраний сочинений АБС. Тексты в значительной степени исправлены и восстановлены. Оформление, конечно, не ах. Но оно ведь так типично для масс-продукции наших дней» [Там же, с. 84]. Уже в 2005 году понятие «канона» изменилось: «А лучшее собрание сочинений, конечно, донецкое издание, черно-золотое – самое полное, самое выверенное, самое точное» [Там же, с. 88]. Вышедшее недавно 30-томное полное собрание сочинений, осуществленное силами Светланы Бондаренко, сейчас позиционируется как наиболее правильное и полное, и канон на данный момент создан и утвержден.

Конечно, можно спорить о том, насколько сильное влияние на читателя оказывает то, что Гомер был слеп, а Шекспир, может, и не писал шекспировские пьесы. Но все же миф о писателе играет немаловажную роль в том, какова будет

рецепция читателя, насколько книги его будут популярными и даже обязательными для чтения.

Основой мифа является триада «биография – творчество – окружение», причем биография должна содержать в себе примечательный элемент (на ранних этапах обязательно подчеркивалось, например, что Борис Стругацкий – ученый-астроном, это утверждало его априорное право писать научную фантастику), творчество должно быть уникальным и высокохудожественным, иметь точный канон, а окружение должно быть или враждебным (что позволяло подключить сюжет преодоления), или знаменитым (но только в другой области – режиссер Тарковский и актер Высоцкий), или состоять из последователей и учеников.

Миф о писателе редко основывается на реальной действительности, он рисует тот образ, который наиболее необходим для конкретной цели – воздействия на читателя, все несогласующееся с мифом или умалчивается, или отрицается. Миф, может быть, вообще иррационален и очень часто использует архетипы, самые простые, понятные и вызывающие должные ассоциации ситуации и / или образы.

И самое главное – задача мифа в увеличении количества «наивероятнейшего количества читателей текста» (термин самих братьев Стругацких из романа «Хромая судьба»), а также обеспечение правильного его прочтения. И это миф о Стругацких обеспечил: до сих пор в отечественном обществе считается почти неприличным признаваться в том, что их не читал, или в том, что они не понравились после прочтения.

#### Список литературы

- Время учеников /сост. А. Чертков. М.: АСТ: 1996. 608 с.
- Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008. 640 с.
- Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. Киев: НКП, 2009. 637 с.
- Скаландис А. Братья Стругацкие. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 702 с.
- Стругацкий Б. Н. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М.: АСТ, 2009. 508 с.
- Стругацкий Б. Н. «Это было потеря половины мира» // А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий Собрание сочинений в 11 т. Т. 11. М.: АСТ: Астрель, 2012. 735 с.

#### References

- Neizvestnye Strugatskie. Pis'ma. Rabochie dnevniki. 1942–1962 gg.* (2008) [The Unknown Strugatskys. Letters. Working Diaries. 1942–1962]. 640 p. Moscow, AST; Donetsk, NKP. (In Russian)
- Neizvestnye Strugatskie. Pis'ma. Rabochie dnevniki. 1963–1966 gg.* (2009) [The Unknown Strugatskys. Letters. Working Diaries. 1963–1966]. 637 p. Kiev, NKP. (In Russian)
- Skalandis, A. (2008). *Brat'ia Strugatskie* [The Strugatsky Brothers]. 702 p. Moscow, AST, AST MOSKVA. (In Russian)
- Strugatskii, B. N. (2012). “*Eto bylo poteria poloviny mira*” [“It Was the Loss of Half the World”]. A. N. Strugatskii, B. N. Strugatskii. *Sobranie sochinenii v 11 t. T. 11.* 735 p. Moscow, AST, Astrel'. (In Russian)
- Strugatskii, B. N. (2009). *Interv'iu dlinnoi v gody: po materialam oflain-interv'iu* [A Years-Long Interview: Based on Offline Interviews]. 508 p. Moscow, AST. (In Russian)
- Vremia uchenikov* (1996) [Students' Time]. Sost. A. Chertkov. 608 p. Moscow, AST. (In Russian)

The article was submitted on 11.02.2021  
Поступила в редакцию 11.02.2021

**Снигирев Алексей Васильевич**,  
кандидат филологических наук,  
доцент,  
Уральский государственный юридический  
университет,  
620137, Россия, Екатеринбург,  
Комсомольская, 21.  
alex\_sengir@rambler.ru

**Snigirev Alexey Vasilievich**,  
Ph.D. in Philology,  
Associate Professor,  
Ural State Law University,  
21 Komsomolskaya Str.,  
Yekaterinburg, 620137, Russian Federation.  
alex\_sengir@rambler.ru